
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Десакрализация революции и антиреволюционный консенсус в современной России: юбилей 2017 года и его политическое использование/неиспользование¹

Б.И. КОЛОНИЦКИЙ*, М.Г. МАЦКЕВИЧ**

***Борис Иванович Колоницкий** – доктор исторических наук, профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге; ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории ФНИСЦ РАН. Адрес: 191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1а. E-mail: kolon@eu.spb.ru

****Мария Георгиевна Мацкевич** – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт ФНИСЦ РАН. Адрес: 190005, Санкт-Петербург, 7-ая Красноармейская ул., д. 25/14. E-mail: m.matskevich@socinst.ru

Цитирование: Колоницкий Б.И., Мацкевич М.Г. (2018) Десакрализация революции и антиреволюционный консенсус в современной России: юбилей 2017 года и его политическое использование/неиспользование // Мир России. Т. 27. № 4. С. 78–101. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-4-78-101

Авторы статьи рассматривают вопрос о соотношении российской символической политики и общественного мнения в год юбилея российской революции 2017 года, используя исследовательский подход case study. Результаты опросов общественного мнения и других источников позволяют сделать вывод о том, что столетие революции не стало важным событием года. Основные участники политического процесса – представители власти и те общественные силы, которые от власти дистанцируются, – незначительно использовали ресурс юбилея. Наряду с прочими причинами это было связано и с малым интересом граждан России к этому историческому событию. Важным фактором, влияющим на современный политический процесс, в том числе на политику памяти, является антиреволюционный консенсус: хотя отношение жителей России к событиям 1917 года и к современной политической ситуации существенно отличается, абсолютное большинство отрицают революцию как возможный сценарий развития страны. Это обстоятельство также оказало влияние и на деятельность различных акторов – политиков и писателей, режиссеров кино, обще-

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 17-81-01042) и в рамках государственного задания (проект № 0169-2015-0008). Авторы выражают глубокую благодарность Е.В. Князевой, доценту кафедры социологии ФМПС ОНУ имени И.И.Мечникова, за помощь в поиске украинских источников, а также В. Гельману и Е. Здравомысловой, профессорам Европейского университета в Санкт-Петербурге.

ственных деятелей. Антиреволюционный консенсус ограничивает репертуар протестных действий, не позволяя опираться на российскую революционную политическую традицию.

Ключевые слова: революция 1917 г., юбилей, политика памяти, социальная память, понятие «революция», антиреволюционный консенсус, массовые опросы, ценности, Россия, Украина

Юбилейный год: ожидания и реальность

В 2016 г. зарубежные исследователи часто спрашивали российских коллег, как будет отмечаться столетие революции. Можно было предсказать некоторые мемориальные тактики, ибо они опирались на многолетние процессы, которые имели свою логику развития и свою инерцию²; вполне ожидаемыми стали конспирологические интерпретации; можно было также предвидеть, что 2017 г. будет отмечен «битвой испартов» – конкурирующих коммунистических, либеральных, консервативных интерпретаций прошлого, авторы которых отождествляют себя с акторами начала XX в.

Предсказуемым было и лоббирование темы примирения с властями. Действительно, в послании Федеральному Собранию в декабре 2016 г. президент В.В. Путин призвал использовать юбилей для «примирения, для укрепления общественного, политического, гражданского согласия» [Послание Президента РФ Федеральному Собранию 2016]. В другой его речи сочетались осуждение революции как способ преобразования общества и признание достижений революции [Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» 2017]. Эта оценка соответствовала декларированному властью курсу на «согласие».

Вместе с тем легко было предсказать, что курс на примирение нельзя будет считать успешным, поскольку отношение к событиям прошлого десятилетиями вызывало и вызывает не только горячие споры: нападениям, например, подвергались памятники революционных лидеров³. Нетрудно было предвидеть, что профессиональные исследователи, в том числе и историки, не окажут большого влияния на ход юбилея, не смогут побудить значимые общественные дискуссии. Также невозможно было предсказать, что споры вокруг фильма «Матильда» приобретут такую остроту. В то же время было очевидно, что Русская Православная церковь будет лоббировать свои проекты политики памяти, хотя сложно было предвидеть их масштаб.

Сложно было предсказать другое – отсутствие государственных мероприятий, посвященных юбилею. О. Малинова, например, предвидела, что юбилей станет для власти «неудобным» (это слово повторялось в 2017 г. часто), но все же предполагала, что «масштаб события не позволяет отказаться от его коммеморации» [Малинова 2017, с. 15]. Подобные прогнозы не подтвердились, если только

² Попытку такого прогноза см. [Kolonitskii 2017].

³ Показательно, что власти отказались от идеи возведения памятника примирения в Крыму: вряд ли он способствовал согласию.

не считать молчание государства своеобразной формой символической борьбы. Многие эксперты не ожидали такой пассивности властей в организации юбилея, а российские и зарубежные журналисты и исследователи не без изумления писали о «тихом юбилее».

Неудивительно, что, вспоминая 2017 г., жители России редко называли юбилейные мероприятия. Среди главных событий этого года в открытом вопросе ФОМа «столетие Октябрьской революции» упомянули только 2% респондентов (столько же, сколько и «спортивные события»), значительно меньше лидирующей позиции Сирии (11%) [2017: событие года в стране и в мире 2017]. Аналогичные результаты получены и Левада-Центром вне зависимости от того, задавался вопрос в открытой или в закрытой форме⁴.

Некоторые историки считают, что невмешательство властей создало благоприятные условия для дискуссии о революции [Миллер 2018; Котляр 2017]. И все же вряд ли это невмешательство можно объяснить заботой о свободе научных споров. Молчание властей не свидетельствует об отсутствии у них позиции по отношению к событиям столетней давности: негативное отношение к революции и Ленину президент ранее выражал публично⁵, однако в юбилейный год он воздержался от соответствующих выступлений. Правда, президент нашел возможность осудить революционеров косвенно – своим участием в торжественной церемонии восстановления памятного знака великому князю Сергею Александровичу, убитому в 1905 г. революционером-террористом, и в открытии памятника в Крыму Александру III, одному из наиболее консервативных российских монархов.

Позиция примирения, обозначенная в выступлениях В.В. Путина, не была поддержана резонансными акциями символической политики. Президент и другие представители власти не использовали развитую инфраструктуру коммеморации революции, созданную в СССР, и даже не пытались ее менять. Эту тему затронул пресс-секретарь президента: отвечая на вопрос об отсутствии церемоний с участием главы государства, он заметил, что они не планировались, в свою очередь задав риторический вопрос: «А в связи с чем это праздновать?» [В Кремле не запланировано мероприятий 2017].

Неиспользование юбилея: некоторые интерпретации

Чем же объяснить молчание власти? Некоторые аналитики полагают, что руководство России опасается импорта революции, поскольку в российских СМИ свержение монархии в 1917 г. нередко сравнивают с «цветными революциями». Внешними факторами объясняется и приход к власти большевиков.

⁴ Столетие революции не собрало более 2% упоминаний, если респондент называл событие сам (можно было выбрать несколько событий). Даже в случае подсказки (карточки) юбилей не выдерживал конкуренции с актуальными событиями, не войдя даже в двадцатку наиболее популярных ответов [Важнейшие события 2017 года 2017].

⁵ «Наша страна проиграла эту войну проигравшей стороне.<...> И это результат национального предательства тогдашнего руководства страны» [Ответы Президента РФ 2012]; см. также негативную оценку В.И. Ленина как создателя СССР [Заседание Совета 2016].

Другие исследователи, также объясняя молчание власти опасениями потрясений, большее внимание уделяют внутренним факторам. Возможно, власти действительно полагали, что общественная дискуссия о революции дестабилизирует хрупкую политическую ситуацию. Прогнозы политиков и политологов, обещавшие потрясения в России в год юбилея революции, могли усилить опасения властей. К тому же опыт некоторых зарубежных стран демонстрировал, что оппозиционные движения могут использовать ресурсы юбилеев для политической мобилизации [Невежин, Сапрыкина 2017, с. 32–34]. Другие объяснения невыразительности юбилея (недостаток креативности и отсутствие новых идей) представляются вполне разумными, однако вряд ли их можно назвать достаточными.

Эксперты, анализируя юбилей, часто говорили исключительно о государственной политике. Между тем, как отмечал П. Бурдые, государство не столько держатель монополии на легитимное символическое насилие, сколько арбитр в борьбе за такую монополию, которую ведут различные обладатели символической власти [Бурдые 2007, с. 83]. В отечественной политологии и социологии опубликовано немало работ, исследующих взаимодействие в символическом пространстве различных акторов. Тем не менее, по наблюдению Б. Дубина, «<...> именно государство выступает для жителей России активным субъектом коллективной памяти и символической политики памяти (меморизации)» [Дубин 2011, с. 119]. Очевидно, что государство – важнейший, хотя и не единственный актор в сфере символической политики. Между тем и другие силы (в том числе и оппозиционные) воздержались от серьезного использования ресурса юбилея. Эксперты Ассоциации исследовательских компаний «Группа 789» подтверждают, что в 2016–2017 гг. участники местных выборов любого уровня тему столетия революции не использовали.

Политологи предлагают еще одно объяснение: российская оппозиция (по крайней мере, оппозиция системная) не укладывается в традиционные представления об оппозиции. Она действует не столько в публичном пространстве, конкурируя за политическую власть, сколько в пространстве бюрократическом, преследуя цели максимизации ресурсов, доступных их лидерам [White 2015; Gelman 2014; Smyth 2012]. Однако создание информационных поводов все же является важной задачей и для системной оппозиции, и в этом случае политика молчания власти оставляет некоторый коридор возможностей для реализации особых мемориальных проектов. К тому же и оппозиционеры, претендующие на статус несистемных, не использовали ресурс юбилея, хотя и критиковали молчание властей. Даже находясь на «территории революции», оппозиционеры не взяли на вооружение это обстоятельство для политической мобилизации: в Санкт-Петербурге протестные акции проходили на Марсовом поле, однако ресурс памятного места революции задействован не был.

Есть ли какие-то общие знаменатели у этого чуть ли не всеобщего неиспользования юбилея? Ниже мы выскажем некоторые предположения, рассматривая столетие революции в России в рамках стратегии *case study*.

Неиспользование юбилея: факторы и ограничения

Различные авторы сходятся в том, что существующий в России режим не является тоталитарным (даются разные определения – авторитаризм, электоральный

авторитаризм, гибридный режим и другие) [Gel'man, Starodubtsev 2016; Голосов 2012; Hale 2011; Treisman 2011], и соответственно при определении политики (в том числе и политики памяти) лидер страны ограничен определенными факторами. К ним относятся имеющиеся ресурсы – финансовые и кадровые (в нашем случае – квалификация агентов памяти); ограничителем служат и общественные настроения. Необходимо учитывать также лимиты иного рода: в нетоталитарных системах влияние государственной пропаганды (в нашем случае – политики памяти) сдерживается уже сформировавшимися массовыми представлениями (в том числе представлениями о прошлом) и долгосрочными тенденциями их изменения [Noelle-Neumann 1981; Бурдые 2007, с. 146]. Это связано с качеством преподавания истории в образовательных учреждениях и с эмоциональными оценками событий прошлого.

Мы попытаемся рассмотреть те общественные настроения, которые прямо или косвенно влияют на политику памяти, определяя и локализуя выбор политических акторов; основное внимание уделим результатам всероссийских репрезентативных опросов, которым, как любому источнику, присущи свои ограничения. Некоторые формулировки вопросов (что не отрицают и авторы исследований) несовершенно. Отчасти это связано с возможностями сравнения с результатами предыдущих исследований, отчасти эти вопросы отражают представления об истории самих авторов исследований, а также их априорные оценки распространенности тех или иных убеждений среди респондентов.

Историки могут критиковать некоторые формулировки вопросов за их упрощенность, за навязывание респондентам определенных рамок высказываний о прошлом. Однако мы можем предложить некоторую картину состояния исторической памяти, исходя из совокупности ответов на разные вопросы и наметившихся за последние десятилетия тенденций, сравнивая данные разных исследовательских кампаний. С учетом этих ограничений данные опросов стоит рассматривать комплексно, обращая основное внимание на динамику показателей.

Мы используем линейные или двумерные распределения, которые публикуют ФОМ, ВЦИОМ и Левада-Центр. К сожалению, характер баз данных исследований исторического сознания, находящихся в открытом доступе, затрудняет их статистический анализ. Мы сопоставим данные с иными источниками, в том числе с материалами СМИ (выступления и интервью лидеров мнений, их собственные статьи и аналитические материалы, адресованные широкому кругу читателей).

Интерес к истории и уровень исторических знаний: революция 1917 г.

Как отмечалось выше, юбилей революции не попал в список важных событий прошлого года. По данным ФОМ, тех, кто считает события октября 1917 г. актуальными, лишь немногим больше тех, кто относит их к давней истории – 49% и 41% соответственно [1917–2017. Память о революции 2017]. Близки по смыслу и данные Левада-Центра, и нормативным по-прежнему остается утверждение: «нужно больше знать об этом периоде, чтобы не повторять ошибок прошлого» (44%) [Октябрьская революция 2017]. Однако не стоит ли это высказывание воспринимать как ритуальное?

Действительно, декларация интереса к истории остается нормой: почти все респонденты считают, что знать ее «важно» (96%) [История страны 2017], при этом почти равное количество опрошенных оценивают свои знания как «хорошие» и как «плохие» (42% и 47% соответственно). Реальный же уровень знаний исторических дат и событий можно назвать низким: имя первого президента СССР М.С. Горбачева назвали только 59% (26% среди молодых людей до 25 лет), даты русско-японской войны – 9% [История страны 2017].

Уровень знаний исторических событий связан и с интересом к ним: лишь 5% жителей страны, по данным ФОМ, принимали участие в каких-либо юбилейных мероприятиях [Революция как памятная дата 2017]. При этом запрос на юбилей революции отсутствует не только у политиков: для многих граждан России он не стал важным информационным поводом, и незаинтересованное и неэмоциональное отношение к истории революции не подтолкнуло акторов политики памяти использовать ресурс юбилея⁶.

Отсутствие знаковых театральных постановок, посвященных теме революции, объясняется и тем, что у современных российских режиссеров эта тема не пробуждает интерес, российские художники также в большинстве своем не откликнулись на юбилей [Соколов 2017, с. 420; Давидян 2017, с. 452]. Не только асимметрия государственного финансирования различных проектов, но и отсутствие общественного спроса и малый личный интерес привели к тому, что многие творческие люди либо игнорировали юбилей, либо с большей или меньшей степенью добросовестности лишь осваивали бюджет: так, генеральный директор «Первого канала» К. Эрнст сообщил, что фильмы и передачи, подготовленные к юбилею, не вызвали ожидаемой реакции у зрителей [Walker 2017].

Дефицит интереса к истории революции иногда воспринимается как нечто болезненное и неестественное. Однако индифферентность, с которой жители России отнеслись к юбилею, может иметь и другое объяснение: история революции не воспринимается как актуальная проблема. В сегодняшней России мало тех, кто не знает хотя бы что-то о происходившем в 1917 г. В 2014 г. правильную дату революции назвало подавляющее большинство (77%) [Какие даты российской истории 2014], но уже в 2017 г. это количество снизилось до 70% за счет тех, кому меньше 30 лет (среди них 1917 г. назвали только 40%, а среди возрастных групп 45+ – 89–91%) [Столетие революции 2017]. Это вовсе не означает, что жители России действительно многое знают о революции: хотя содержательные суждения, имеющие четкую связь с событиями октября 1917 г., высказали около 20% [Октябрьская революция: последствия для страны и роль в жизни семей 2007], они все же не выходили за пределы учебников советского периода. Среди мнений преобладали негативные, описывающие хаос и разруху, но при этом какие-либо детали не приводились. Очевидно, мы имеем дело скорее с эмоциональной стороной памяти о революции, не основанной на исторической информированности.

Более высокий уровень исторических знаний (вне зависимости от отдаленности события от сегодняшнего дня) демонстрируют поколения, родившиеся до 1975 г. (т.е. закончившие школу еще в советский период). Младшие поколения,

⁶ О важности эмоциональной составляющей для исторической памяти и политики памяти см., напр.: [Вельцер 2005; Wagner-Pacifci 1996; Schuman, Scott 1989].

как правило, не отвечают на открытые вопросы (предполагающие формулировку ответа самим респондентом), связанные с историей, признавая отсутствие знаний. Межпоколенческий разрыв в уровне исторической информированности углубляется, причем знания вчерашних выпускников школ значимо хуже, чем у тех, кто получал среднее образование до 1987 г. Это может объясняться и наблюдаемым во многих странах общим изменением социального контекста – представлений о том, что «нужно» знать, и ощущения необходимости соответствия некой «норме». Очевидно, в данном случае влияние оказывают и изменения в преподавании истории школах – касается ли это содержания образования или его качества.

Антиреволюционный консенсус

Существует и другая тенденция развития общественного мнения, важная для понимания юбилея: в российском обществе преобладает отрицательное отношение к революции как средству преобразования общества, и можно утверждать, что в настоящее время сложился некий антиреволюционный консенсус. Автор популярного издания пишет об этом как об общепризнанном факте: «Антиреволюционный консенсус – недооцененная духовная скрепа, выкованная в девяностые и закаленная Украиной десятых»; «революционная повестка» выведена «далеко за пределы допустимого и признаваемого обществом» [Кашиин 2017].

В настоящей статье под антиреволюционным консенсусом мы понимаем определенное состояние общественного сознания, при котором сторонники различных взглядов сходятся в негативном отношении к понятию «революция». При этом мы не имеем в виду политический консенсус представителей различных политических сил, позволяющий принимать политические решения и реализовывать их в том смысле, в котором об этом говорится в литературе по политической науке и политической экономии [Torenvlied 1996; Beissinger 2013]. Речь не идет и о консенсусе коммуникативной теории Хабермаса [Habermas 1987], так как антиреволюционный консенсус не был достигнут в ходе взаимодействия. Как будет показано ниже, парадоксальным образом порой обнаруживается отсутствие дискурсивного консенсуса. Антиреволюционный консенсус мы понимаем как ценностный – через сходство разделяемых людьми идей, имеющих первостепенное значение, и выражаемое через согласие с неким утверждением (необязательно рефлексированным) [Магун, Руднев 2011, с. 81]. При этом в отличие от многочисленных работ, посвященных ценностному консенсусу, в нашу задачу не входит измерение степени его выраженности. Для нас важен лишь один его аспект – неприятие революционных преобразований, и мы рассматриваем его только в том смысле, в каком антиреволюционный консенсус явился фактором, влияющим на празднование/игнорирование в России столетия революции 1917 г. Наша позиция определяется выбранным подходом *case study*.

Спикер Государственной Думы В.В. Володин заявил: «Недопустимо <...> героизировать людей, свергающих законные правительства, обрекающих свои народы на бессмысленные страдания» [Вячеслав Володин сформулировал 2017]. В эпоху перестройки подобное заявление могло восприниматься как провокаци-

онное: культ революции и революционности оставался важной частью советской политической культуры, его влияние испытывали люди, критиковавшие строй – они также считали революцию эффективным и легитимным средством общественного преобразования [Елисеева 2013]⁷. Однако уже в 1990–1991 гг. опросы общественного мнения фиксировали рассогласованность массовых настроений и публичного политического дискурса в оценке революционных изменений⁸. В конце 1990-х гг. в массовом сознании произошла смена положительных коннотаций понятия «революция» на отрицательные: в 1997–1999 гг. позитивно воспринимали революцию как исторический период 27–28% опрошиваемых при 36–38% негативных оценок [Левада 2000, с. 451]. Одновременно менялась и официальная политика памяти: по мнению И. Калинина, «коммеморативные стратегии государства состояли в дискредитации революции <...>, а также нейтрализации ее присутствия в общественном пространстве и публичном дискурсе» [Калинин 2017, с. 16].

Многие авторы уделяют внимание государственной политике памяти. Между тем тенденции развития общественного мнения создали условия для проведения подобной политики, влияя на нее. Смена коннотаций понятия «революция» была связана не столько с отношением к революции 1917 г., сколько с оценкой (чаще негативной) происходивших в 1990-е гг. в политике и экономике процессов. Этот тезис был сформулирован различными исследователями уже тогда, и с тех пор повторялся и развивался разными авторами [Волков, Колесников 2017; Горшков, Петухов 2018; Гудков 2010; Дубин 2011; Задорин 2007; Левада 2000].

Негативная нагрузка термина «революция» влияла на политические конфликты, противостоявшие силы именовали своих оппонентов «революционерами»: теперь это стало эффективным инструментом делегитимации; начал складываться негативный консенсус относительно «революции» [Малинова 2015, с. 61, 63–67]. О распространенности таких настроений свидетельствовали публичные выступления политиков. В 1999 г. В.В. Путин писал: «Россия исчерпала свой лимит на политические и социально-экономические потрясения, катаклизмы, радикальные преобразования. Только фанатики или глубоко равнодушные, безразличные к России, к народу политические силы в состоянии призывать к очередной революции» [Путин 1999]. Такой призыв явно учитывал распространенность антиреволюционных настроений. Об этом свидетельствуют и данные Института комплексных социальных исследований 2000 г. Понятие «революция» вызывало «скорее положительные» чувства у 29%, а «скорее отрицательные» – у 71% [Россияне о судьбах России 2000]. Нарастание антиреволюционных настроений повлияло и на восприятие жителями России смены власти в Грузии в 2003 г. («революции роз») и в особенности украинских событий 2004 г. («оранжевой революции»). В опросе ВЦИОМ в 2004 г. понятие «революция» вызывало положительные чувства менее

⁷ И. Калинин отмечает, что «инициированный официальной политикой перестройки мощный социальный подъем одновременно был и воспроизводством революционной ситуации, и отрицанием конкретного идеологического содержания, устойчиво ассоциировавшегося с наследием Октября 1917-го» [Калинин 2017, с. 13].

⁸ Хотя необходимость изменений признавалась подавляющим большинством, «революционные» и «фундаментальные» изменения как в политике, так и в экономике поддерживались меньшинством [Каариайнен, Фурман 2007, с. 108; World Values Survey Wave 2 1990]; о причинах см. [Сафронов, Бурмыкина, Корниенко, Нечаева 1999].

чем у 1% (0,69%) респондентов, а отрицательные чувства испытывали 30% опрошенных [Порядок и справедливость 2007].

Украинский кризис сказался на российской политике памяти, усилив антиреволюционные настроения. По мнению И. Калинина, 2004–2005 гг. стали ключевыми в формировании тенденции «демонизации самой идеи революции» [Калинин 2017, с. 16]. Если некоторые российские оппозиционеры стремились воспроизвести «оранжевый» сценарий, то большинство людей, придерживавшихся разных взглядов, с опасением смотрели на эту «смуту». Сама же Украина демонстрировала приверженность революционной традиции: в этой бывшей советской республике влияние оказывал разработанный и приобретающий официальный статус миф национальной революции, который подпитывался (порой неосознанно) и советской традицией прославления революции. Термины «оранжевая революция» (2004 г.) и «революция достоинства» (Евромайдан 2014 г.) использовались и используются их сторонниками, что свидетельствует о позитивных коннотациях понятия «революция». Это подтверждали и материалы фокус-групп 2005–2007 гг. [Лэйн 2010, с. 39–42], и результаты массовых опросов. По данным Киевского международного института социологии (КМИС), в 2016 г. 56% опрошенных украинцев считали Майдан «народной революцией», значительно чаще такую оценку разделяли жители западной (80,5%) и центральной (61%) частей страны; в восточных же регионах так считали 29% опрошенных, а в южных – 38,5% [В Україні зростає дезорієнтація громадян 2017]. Этот факт подтверждают и данные экспертного опроса 2017 г.: наиболее популярным термином для описания событий 2014 г., собравшим наибольшее число голосов экспертов, оказалась «революция», а остальные варианты – «массовые протесты», «народное восстание», «спонтанная общественная самоорганизация» – были существенно менее популярны [Четверта річниця Майдану: експертне опитування 2017]. Такие результаты подкрепляют тезис о позитивных коннотациях понятия «революция»: граждане Украины, позитивно оценивающие события 2014 г., называют их революцией, а оценивающие негативно отрицают саму революционную суть Евромайдана.

Россияне иначе воспринимали перемены в соседней стране. «События, происходившие в Украине в конце 2004 г. в ходе выборов президента страны», более половины (54%) респондентов назвали «борьбой за власть между различными группами политиков и олигархов», 18% – «заговором, организованным политиками и спецслужбами западных стран», 15% – «массовым возмущением, направленным против коррумпированной власти, нечестных выборов» [Россияне об «Оранжевой революции» 2005]. Примечательно, что среди предложенных вариантов ответов не упоминалось понятие «революция». Украинские события не могли не повлиять на 90-летний юбилей российской революции, отмечавшийся в 2007 г. Антиреволюционная тема звучала тогда весьма настойчиво и в выступлениях представителей власти, и в российских СМИ [Малинова 2015, с. 80–84].

Граждане России и Украины оценивали Евромайдан по-разному, при этом на позицию россиян влияло (наряду с другими факторами) отрицательное отношение к революции как к средству преобразования общества. В 2012 г., до смены власти в Киеве, 78% опрошенных жителей России выбрали вариант ответа «что бы ни случилось, революцию в стране нельзя допустить», а в октябре 2017 г. такой ответ выбрали уже 92% [Октябрьская революция: 1917–2017]. Это мнение отражают и

усиливают своим авторитетом люди разных взглядов, влиятельные историки-администраторы, популярные интеллектуалы⁹, известные деятели культуры¹⁰.

Подобные оценки распространяются СМИ, однако вряд ли можно говорить лишь об эффективном пропагандистском воздействии на общественное мнение. Анализ революции теми экспертами, которые склонны объяснять настроения россиян влиянием правительственных СМИ, в этом отношении не очень отличается от информационных и пропагандистских посланий государственного телевидения. Схожим образом высказываются и оппозиционные лидеры, критикующие государственную информационную политику. Например, Г. Явлинский, положительно оценивающий Февральскую революцию 1917 г., заявлял: «<...> революция – вещь очень опасная, плохая, не дай бог желать ее кому-нибудь» [Явлинский 2011]. Даже некоторые участники уличных протестных акций полагают, что они способствуют предотвращению революции. Подобные интерпретации предлагались самими участниками в фокус-группах в 2017 г. [Мацкевич 2017; Мухин 2017]. Это напоминает и отношение к революции и революционности большинства участников протестных акций 2011–2012 гг. [Бикбов 2012; Волков 2012; Радченко, Писаревская, Ксенофонтова 2012, с. 118]. М. Горшков и В. Петухов, анализируя данные мониторинга Института социологии РАН, пишут: «<...> сегодня мы, очевидно, находимся в исторической противофазе 1917 г. Тогда революционные умонастроения охватили практически все общество; сегодня революции желают единицы» [Горшков, Петухов 2018, с. 12].

Следует уточнить, что не только консерваторы и сторонники традиционных ценностей отрицают революцию – антиреволюционно настроены и многие их оппоненты. Интересно отношение к понятиям «социализм» и «коммунизм», к которым граждане России относятся позитивнее, чем к «революции»: в 2004 и 2007 гг. социализм положительно воспринимали около 12% респондентов, коммунизм – 7–8% [Порядок и справедливость 2007]. В 2016 г. оценки изменились незначительно: например, «социализм» вызывал скорее положительные чувства у 36% опрошенных, отрицательные – у 11% [Горшков, Петухов 2018, с. 15]. Либералы и консерваторы, сторонники социализма и коммунизма, «западники» и «почвенники», сторонники и противники реформ, люди, по-разному относящиеся к революциям 1905 и 1917 гг., объединяются в своем отрицании революции как перспективы развития страны.

И все же отрицание революции не всегда является последовательным, это проявляется и в оценках украинских событий. В Совете Федерации был подвергнут критике учебник истории, авторы которого описывали события 2014 г. как революцию: тогда спикер Совета Федерации В.И. Матвиенко назвала формулировку

⁹ Политолог В. Пастухов пишет: «Я не призываю к революции и не оправдываю революцию. <...> Я лично предпочел бы, чтобы Россия обошлась без нее» [Пастухов 2012]; писатель Д. Быков говорит: «<...> революция, когда массы приходят и говорят: которые тут временные, слазь, этого [Россия] не видела. И бог даст, не увидит» [Быков 2014]; экономист М. Делягин уточняет: «<...> революция <...> запустит механизмы хаоса, который можно потом и не обуздать» [Оппозиция в России ищет единого кандидата 2007].

¹⁰ Известно высказывание знаменитой актрисы и руководителя благотворительного фонда Ч. Хаматовой: отвечая на вопрос о том, что бы она предпочла: «<...> жить в такой стране как Северная Корея <...>, либо революция», – она заявила – «я бы выбрала Северную Корею» [Хаматова 2012]; режиссер М. Розовский говорил: «Я боюсь революции, но нельзя жить в рабстве» [Соколов 2017]; режиссер Е. Королева в своем спектакле меняет финал «Чипполино»: переворота не происходит, изменения приходят «сверху», все примиряются. Е. Королева объясняет: «Так как я ужасно боюсь всяких революций, то переворот совершится в умах героев» [Ганинц 2013].

провокационной. Тем не менее термин «революция» продолжает сохранять значение инструмента легитимации даже для тех сил, которые стремятся предотвратить революцию.

Широкий и внутренне противоречивый антиреволюционный консенсус, являющийся элементом политической культуры современной России, служит важным ресурсом власти. И. Калинин указывает: «<...> существующий в обществе антиреволюционный консенсус <...> делает борьбу с якобы существующей революционной угрозой удобным и эффективным инструментом политической борьбы с оппонентами и мобилизации общества в поддержку режима» [Калинин 2017, с. 19]. Следует добавить, что использование этого инструмента невозможно монополизировать: при известных обстоятельствах он может быть задействован и против власти. История (в том числе история революции 1917 г.) знает такие примеры: тогда представителей власти обвиняли в намеренном провоцировании революции.

Нередко формирование негативного отношения россиян к понятию «революция» интерпретируют их отношением к «цветным революциям», прежде всего к украинским кризисам. В таких объяснительных схемах центральное место занимает воздействие правительственной пропаганды, доминирование в СМИ негативного образа революций в соседних странах. Нельзя отрицать, что информацию о политике жители России, как правило, получают посредством телевидения, а уровень доверия к этой информации остается высоким во всех периодах измерения [Волков, Гончаров 2017]. Такие объяснения описывают лишь некоторые факторы, влияющие на формирование антиреволюционного консенсуса: во-первых, существуют ограничения в восприятии гражданами сообщений; во-вторых, интерпретации, акцентирующие роль пропаганды, не учитывают признаки формирования этого консенсуса, которые, как уже отмечалось, появились до «цветных революций», опережая воздействие пропаганды в СМИ.

Для понимания феномена антиреволюционного консенсуса продуктивно использование концепции «культурной эволюции» Р. Инглхарта и «ценностей свободы (*emansipative values*)» Х. Вельцеля, эмпирическим подтверждением которой являются, среди прочего, данные международного сравнительного исследования *World Values Survey*. С середины 1990-х гг. Россия устойчиво демонстрировала безусловное преобладание «ценностей выживания» над «ценностями самовыражения» по шкале Инглхарта. Ценности выживания включают в себя высокие показатели ценностей физической и экономической безопасности, они отрицательно коррелируют практически с любыми видами политической активности, даже конвенциональными [Inglehart, Welzel 2005]. До настоящего времени и внутрироссийские, и кросснациональные исследования демонстрируют устойчивое доминирование материалистических ценностей, в том числе в младших поколениях, хотя и в меньшей степени [Magun, Rudnev, Schmidt 2016]. По данным ВЦИОМ, Левада-Центра и ФОМ, примерно с середины 1990-гг. наблюдается преимущественная массовая ориентация на ценности порядка, стабильности и материального благополучия. Отрицательное отношение к радикальным переменам может объясняться тем, что у молодых граждан, выросших в относительно стабильные и благополучные годы, могло сформироваться ощущение безопасности, приводящее в свою очередь к формированию постматериалистических ориентаций, и среди старших поколений ценности стабильности и порядка доминируют, любые угрозы сложившемуся статус-кво вызывают решительное отрицание.

Сходные тенденции демонстрируют и данные Европейского социального исследования (*European Social Survey*): по оси «сохранение/открытость изменениям» Россия устойчиво демонстрирует высокие показатели предпочтения ценности «сохранение», что также означает отрицательное отношение к практически любым общественным изменениям [Schwartz 2012; Сафронов 2016, с. 20]. В то же время ценности и установки – не единственный фактор, влияющий на отношение к революциям: например, у России и Украины схожая ценностная структура [Inglehart, Baker 2000; Магун, Руднев 2007], между тем отношение к понятию «революция» существенно различается. Однако кроме культуры (в том числе ценностей) и наличия у граждан реальных поводов для недовольства, имеют значение ресурсы и, главное, структура политических возможностей – степень открытости/закрытости политической системы, уровень ее легитимности и наличие независимых СМИ [Tilly, McAdam, Tarrow 2004]. О проявлении этих факторов на постсоветском пространстве, в том числе в России и Украине, пишут авторы, придерживающиеся различных научных и политических позиций, они указывают на различия стран по сложившемуся уровню конкуренции элит, традициям участия, отличиям в практиках выражения недовольства и их успешности, наконец, по уровню политической и социальной поляризации регионов [Карозерс 2003; Пастухов 2010; Лапкин, Пантин 2014].

Отношение граждан России к революции 1917 г.

Отрицая революцию как актуальный сценарий, жители России по-разному оценивают революции прошлого. С 1990-х гг. менялись содержание и принципы преподавания истории в школах и вузах, однако отношение к революции трансформировалось ничтожно мало (если изменилось вообще). Специалисты Левада-Центра задавали вопрос о том, что принесла Октябрьская революция народам России. С вариантом «открыла новую эру в истории народов России» в 1990 г. соглашались 23% респондентов, спустя двадцать с лишним лет – 25%. К мнению, что она «дала толчок их социальному и экономическому развитию» присоединялись 26 и 28% соответственно. С тем, что революция «затормозила развитие», согласились 18% в 1990 г. и практически столько же (19%) двадцать лет спустя. С тем, что «она стала для них [народов России] катастрофой» – 12 и 8% соответственно [Октябрьская революция 2017]¹¹. За последние почти три десятка лет практически не изменилось и то, какие социально-демографические группы выбирают разнонаправленные ответы: старшие, с невысоким образованием, живущие в малых городах и селах, чаще остальных присоединяются к высказыванию о «новой эре», а молодые, с высшим образованием, живущие в мегаполисах – чаще, чем в среднем, разделяют негативные оценки последствий революции.

В 2007 г. И. Задорин отмечал, что соотношение негативных и позитивных оценок Октябрьской революции фактически сформировалось в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Это не стало следствием изменения отношения к историческому

¹¹ Схожие цифры дал и опрос ВЦИОМ.

событию, но во многом было связано с «отношением к текущему политическому контексту, который воспринимался очень негативно в 90-е годы» [Задорин 2007].

Серьезные же изменения претерпела склонность выбирать ту или иную сторону в давнем противостоянии. Существенно снизилось число тех, кто стал бы «активно сотрудничать» или «в чем-то сотрудничать» с большевиками (с 49% в 1990 г. до 28% в 2017 г.). Вариант борьбы с большевиками оказался равно непривлекательным и в 1990 г., и в настоящее время (5 и 8% соответственно), но с другой стороны почти вдвое выросло число тех, кто желал бы «переждать» события: в 2017 г. этот вариант собрал максимум, так считал каждый третий (33 против 12% в 1990 г.) [Октябрьская революция 2017]. Главная же тенденция последних десяти лет (с 2007 г.) – отказ от ответа и выбор варианта «трудно сказать», так отвечают большинство молодых людей до 30 лет и заметная часть тех, кому до 45 лет.

В целом, по данным Левада-Центра, в 2017 г. 48% граждан считали с той или иной степенью убежденности, что Октябрьская революция сыграла положительную роль в российской истории, а 31% – отрицательную [Октябрьская революция 2017]; близкое распределение ответов представляют и данные Фонда «Общественное мнение» [Революция: исторические деятели 2017].

Заключение

После Первой российской революции авторы знаменитого сборника «Вехи» декларировали задачу преодоления традиции радикальной интеллигенции, призывая к сотрудничеству с властью. Часто цитировались слова М. Гершензона: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной» [Гершензон 1909 (1990)]. Проект быстрого изменения культуры интеллигенции был утопичным и неосуществимым. Но 110 лет спустя некоторые идеи «веховцев» торжествуют в современной России, их часто цитируют, а антиреволюционные настроения демонстрируют и интеллигенция, и народ, и власть. Мода на «Вехи», пришедшая в Россию в 1990-е гг., подкреплена авторитетом А. Солженицына, стала массовой, и она внесла свой вклад в оформление антиреволюционного консенсуса. Последний же является важным ресурсом современных консервативных сил, для которых антиреволюционная позиция изначально является базовой и принципиальной: для них отрицание революции нередко является и инструментом блокировки реформ.

Антиреволюционный консенсус оказал немалое воздействие на ту атмосферу, в которой отмечался юбилей революции: невысокая заинтересованность событиями столетней давности сочеталась в 2017 г. с отрицанием революции как перспективы развития страны. Оценки революции 1917 г. продолжают разделять российское общество: люди по-разному относятся и к свержению монархии, и приходу к власти большевиков, однако эти различия сейчас слабо влияют на современный политический выбор. Отношение к революции оказывается лишь еще одним результатом действия факторов поколенческой принадлежности, структуры ценностных предпочтений и актуального социально-экономического контекста. Все это существенно ограничивает репертуар коммеморативных действий различ-

ных акторов (даже наиболее влиятельных): они должны улавливать запрос общества (или отсутствие такового) при определении своих тактических задач. Общественное же мнение не требует выработки определенной позиции по отношению к событиям столетней давности.

Декларируемая властью задача примирения не считается, по-видимому, реализуемой, поэтому память о революции непригодна для политического использования властями, заинтересованными в создании и поддержании широкой политической коалиции. Напротив, применение этой памяти, ее актуализация могли быть сопряжены с очевидными рисками. Неудивительно, что представители власти считают выгодным ясно обозначить антиреволюционную (как минимум – неревolutionционную) позицию, воздерживаясь при этом от организации таких официальных церемоний, которые заставляли бы их формулировать определенную оценку событий 1917 г. База поддержки других политических сил, в том числе и оппозиционных, также не основывается на коалициях, объединенных общим пониманием событий столетней давности, поэтому и эти силы не пытаются мобилизовать своих сторонников на основе памяти о революции.

Подобные тенденции развития общественного сознания являются долгосрочными. По отношению к революции как актуальному сценарию в сегодняшней России существует согласие: практически никто не хочет быть или выглядеть революционным. Антиреволюционный консенсус может и не сохраниться в условиях острых социально-политических катаклизмов, но это будет следствием потрясений, а не результатом публичных дискуссий об истории революции и ее природе.

Однако отрицание революционной традиции не является гарантом предотвращения революции, а табуирование термина не приводит к исчезновению явления. Национализм и шпиономания эпохи Первой мировой войны, породившие невероятные конспирологические построения, объясняя ими военные неудачи и экономические трудности, способствовали революционизированию России накануне февраля 2017 г. не меньше, чем революционные партии [Колоницкий 2010]. И в будущем национализм и религиозный фундаментализм могут быть важными инструментами протестных акций и жестокой борьбы за власть (тому есть многочисленные примеры и на пространстве бывшего СССР, и в других странах). Однако представляется маловероятным, что российская революционная традиция, память о 1917 г. и развитая в советское время мемориальная инфраструктура памяти о революции будут использованы противоборствующими силами в возможных грядущих конфликтах, и антиреволюционный консенсус в этом отношении будет ограничиваться оформлением символических действий.

Литература

- 1917–2017. Память о революции (2017) // Фонд «Общественное мнение» // <http://fom.ru/Proshloe/13839>
- 2017-й: событие года в стране и в мире. Главные события уходящего года (2017) // Фонд «Общественное мнение» // <http://fom.ru/TSennosti/13905>
- Бикбов А.Т. (2012) Методология исследования «внезапного» уличного активизма (российские митинги и уличные лагеря, декабрь 2011– июнь 2012) // *Laboratorium*. № 2. С. 130–163.

- Бурдые П. (2007) Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя.
- Быков Д. (2014) Интервью // Радиостанция «Эхо Москвы». 24 октября 2014 // <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1424030-echo/>
- В Кремле не запланировано мероприятий к 100-летию революции, заявил Песков (2017) // РИА «Новости». 25 октября 2017 // <https://ria.ru/society/20171025/1507519967.html>
- В Україні зростає дезорієнтація громадян: соціологічне опитування (2017) // Ліга. Новости. 13 февраля 2017 // http://news.liga.net/ua/news/society/14690486-v_ukra_n_zrosta_dezor_ntats_ya_gromadyan_sots_olog_chne_opituvannya.htm
- Важнейшие события 2017 года (2018) // Левада-Центр. 1 февраля 2018 // <https://www.levada.ru/2018/02/01/vazhnejshie-sobytiya-2017-goda/>
- Вельцер Х. (2005) История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. № 2–3 (40–41). С. 28–35.
- Волков Д. (2012) Протестное движение в России глазами его лидеров и активистов // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. Т. 113. № 3–4. С. 141–185.
- Волков Д., Гончаров С. (2017) Российский медиаландшафт: основные тенденции использования СМИ-2017 // Левада-Центр. 22 августа 2017 // <https://www.levada.ru/2017/08/22/16440/>
- Волков Д., Колесников А. (2017) Мы ждем перемен. Есть ли в России массовый спрос на изменения? // Московский Центр Карнеги. 5 декабря 2017 // <http://carnegie.ru/2017/12/05/ru-pub-74906>
- Вячеслав Володин сформулировал базовые ценности России (2017) // Коммерсантъ-Новости. 1 ноября 2017 // <https://www.kommersant.ru/doc/3455783>
- Ганиянц М. (2013) «Чиполлино» поставят в театре «Содружество актеров Таганки» // РИА «Новости». 13 ноября 2013 // <https://ria.ru/culture/20131113/976587606.html>
- Гершензон М. (1909) Творческое самосознание // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М. С. 74–100 // <http://www.bookposter.ru/info/imwerden/publicism50.html#WvKStu-FO9I>
- Голосов Г. (2012) Демократия в России: инструкция по сборке. СПб.: БХВ-Петербург.
- Горшков М.К., Петухов В. (2018) Октябрьская революция 1917 г. и ее последствия в восприятии современных россиян // Социологические исследования. № 1. С. 6–18.
- Гудков Л. (2010) Время и история в сознании россиян. Ч. III // Вестник общественного мнения. № 2 (104). С. 13–61.
- Давидян И. (2017) Некто 2017. Столетие Русской революции в историко-документальных и художественных выставках // Бордюгов Г. (ред.) Революция-100: Реконструкция юбилея. М.: АИРО-XXI. С. 423–454.
- Дубин Б.В. (2011) Россия нулевых: политическая культура – историческая память – повседневная жизнь. М.: РОССПЭН.
- Елисеева Н. (2013) Революция как реформаторская стратегия перестройки СССР: 1985–1991 годы // Gefter.ru // <http://gefter.ru/archive/7823>
- Задорин И. (2007) Октябрьская революция в массовом сознании россиян. Динамика мнений за 15 лет // Циркон // <http://www.zircon.ru/upload/iblock/3e8/071128.pdf>
- Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Сайт Президента России. 19 октября 2017 // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55882>
- Заседание Совета при Президенте по науке и образованию (2016) // Сайт Президента России. 21 января 2016 // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51190>
- История страны: ставим «отлично», в уме держим «неуд» (2017) // ВЦИОМ. 14 сентября 2017 // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116396>
- Каариайнен К., Фурман Д.Е. (2007) Религиозность в России рубеже XX–XXI столетий // Общественные науки и современность. № 1. С. 103–119.
- Какие даты российской истории мы считаем важнейшими? И какие – знаем? (2014) // Фонд «Общественное мнение». 28 декабря 2014 // <http://fom.ru/Proshloe/11896>
- Калинин И. (2017) Призрак юбилея // Неприкосновенный запас. №1 (111). С. 11–20.
- Карозерс Т. (2003) Конец парадигмы транзита // Политическая наука. № 2. С. 42–65.
- Кашин О. (2017) Недооцененная духовная скрепа: страх России перед революцией // Republic.ru. 9 мая 2017 // <https://republic.ru/posts/82709>

- Колоницкий Б.И. (2010) «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: НЛО.
- Котляр П. (2017) Профессор Кембриджа Доминик Ливен о шансах Российской империи на выживание и схожести шагов Горбачева с реформами Александра II // Деловой Петербург. 3 ноября 2017 // https://www.dp.ru/a/2017/11/03/Professor_Kembridzha_Domin
- Левада Ю. (2000) От мнений к пониманию. М.: Московская школа политических исследований.
- Лэйн Д. (2010) Оранжевая революция: «Народная революция» или Революционный переворот? // Политические исследования. № 2. С. 31–53.
- Магун В.С., Руднев М.Г. (2007) Жизненные ценности населения: сравнение Украины с другими европейскими странами // Головаха Е., Макеев С. (ред.) Украинское общество в европейском пространстве. Киев: Институт социологии НАНУ; Харьковский национальный университет им. В.Н. Карамзина. С. 226–273.
- Магун В.С., Руднев М.Г. (2011) Ценностный консенсус и факторы ценностной дифференциации населения России и других европейских стран // Вестник общественного мнения. № 4. С. 81–96.
- Малинова О. (2015) Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: РОССПЭН.
- Малинова О. (2017) Неудобный юбилей: Итоги переосмысления «мифа основания» СССР в официальном историческом нарративе РФ // Политическая наука. № 3. С. 13–40.
- Мацкевич М. (2017) Что оказалось неожиданным в опросе фокус-группы молодых людей, выходивших на митинги // Online812.ru. 11 апреля 2017 // <http://www.online812.ru/2017/04/11/011/>
- Миллер А. (2018) Валдайская записка № 81. Революция 1917 года: История, память, политика // Сайт Международного дискуссионного клуба «Валдай». 31 января 2018 // <http://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-81/>
- Мухин А. (2017) Фокус-группы митингующих // Город 812. № 7 (362). С. 8–11.
- Невежин В., Сапрыкина Е. (2017) Празднование революционных юбилеев у «законодатель моды»: Опыт США и Франции // Бордюгов Г. (ред.) Революция-100: Реконструкция юбилея. М.: АИРО-XXI. С. 19–50.
- Октябрьская революция (2017) // Левада-Центр. 5 апреля 2017 // <https://www.levada.ru/2017/04/05/oktyabrskaya-revoljutsiya-2/>
- Октябрьская революция: 1917–2017 (2017) // ВЦИОМ. 11 октября 2017 // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116446>
- Октябрьская революция: последствия для страны и роль в жизни семей (2007) // Фонд «Общественное мнение». 1 ноября 2007 // <http://bd.fom.ru/report/map/d074421>
- Оппозиция в России ищет единого кандидата в президенты от левых и правых. Имена могут назвать уже в мае (2007) // Newsru.com. 19 апреля 2007 // <http://www.newsru.com/russia/19apr2007/kandidat.html>
- Ответы Президента РФ В.В. Путина на вопросы членов Совета Федерации (2012) // Сайт Президента России. 27 июня 2012 // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/15781>
- Пастухов В. (2010) Украинская революция и Русская контрреволюция // Политические исследования. № 5. С. 7–16.
- Пастухов В. (2012) Государство диктатуры люмпен-пролетариата // Новая газета. 13 августа 2012 // <https://www.novayagazeta.ru/articles/2012/08/13/50971-gosudarstvo-diktatury-lyumpen-proletariata>
- Порядок и справедливость – главные ценности россиян (2007) // ВЦИОМ // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2526>
- Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию (2016) // Сайт Президента России. 1 декабря 2016 // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379>
- Путин В.В. (1999) Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 30 декабря 1999 // http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html
- Радченко Д., Писаревская Д., Ксенофонтова И. (2012) Логика виртуального протеста: неделя после выборов-2011 // Антропологический форум Online. № 16. С. 108–126.

- Революция: исторические деятели, предпосылки и итоги (2017) // Фонд «Общественное мнение. 6 ноября 2017 // <http://fom.ru/Proshloe/13837>
- Революция как памятная дата (2017) // Фонд «Общественное мнение». 21 ноября 2017 // <http://fom.ru/posts/13856>
- Россияне о судьбах России в XX веке и своих надеждах на XXI век (2000) // ИКСИ. Единый архив экономических и социологических данных // <http://sophist.hse.ru/dbp/S=2385/Q=111/>
- Россияне об «Оранжевой революции» (2005) // Левада-Центр. 23 ноября 2005 // <http://www.levada.ru/2005/11/23/rossiyane-ob-oranzhevoj-revoljutsii>
- Сафронов В. (2016) Демократический протест в странах Европы: ценностные мотивации и социетальные условия // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. № 6 (120). С. 10–20.
- Сафронов В.В., Бурмыкина О.Н., Корниенко А.В., Нечаева Н.А. (1999) Российская культура и отношение граждан к общественным преобразованиям // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 2. № 2. С. 133–165.
- Соколов Б. (2017) Юбилей революции 1917 года в художественной литературе, кино, телевизионных сериалах, документальных фильмах и в театральных постановках // Бордюгов Г. (ред.) Революция-100: Реконструкция юбилея. М.: АИРО-XXI. С. 359–422.
- Соколов М. (2017) Розовский М.: «Я боюсь революции, но нельзя жить в рабстве» // Радиостанция «Свобода». 10 апреля 2017 // <https://www.svoboda.org/a/28420794.html>
- Столетие революции (2017) // Фонд «Общественное мнение. 5 ноября 2017 // <http://fom.ru/Proshloe/13829>
- Хаматова Ч. (2012) Я очень много чего боюсь // Телеканал «Дождь». 7 июня 2012 // https://tvrain.ru/teleshow/sobchak_zhivem/chulpan_khamatova_ya_by_vybrala_severnuyu_koreyu_a_ne_revoljutsiyu-286479/?utm_source=twi&utm_medium=social&utm_campaign=teleshow-sobchak_zhivem&utm_term=286479
- Четверта річниця Майдану: експертне опитування (2017) // Фонд «Демократическая инициатива» им. Илька Кучерива. 20 ноября 2017 // <http://dif.org.ua/article/chetverta-richnitsya-maydanu-ekspertne-opituvannya>
- Явлинский Г. (2011) Как предотвратить революцию, но ответить на требования народа? // Радиостанция «Финам FM». 19 апреля 2011 // <http://www.yabloko.ru/video/2011/04/19>
- Beissinger M.R. (2013) The Semblance of Democratic Revolution: Coalitions in Ukraine's Orange Revolution // *American Political Science Review*, vol. 107, no 3, pp. 574–592.
- Gel'man V. (2014) The Troubled Rebirth of Political Opposition in Russia // PONARS Eurasia Policy Memo Series, no 341 // http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Peppm341_Gelman_September2014.pdf
- Gel'man V., Starodubtsev A. (2016) Opportunities and Constraints of Authoritarian Modernization: Russian Policy Reforms of the 2000s // *Europe-Asia Studies*, vol. 68, no 1, pp. 97–117.
- Habermas J. (1987) (1981) *Theory of Communicative Action, Vol.2: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason*. Boston, Mass.: Beacon Press.
- Hale H. (2011) The Myth of Mass Russian Support for Autocracy: The Public Opinion Foundations of a Hybrid Regime // *Europe-Asia Studies*, vol. 63, no 8, pp. 1357–1375.
- Inglehart R., Baker W.E. (2000) Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // *American Sociological Review*, vol. 65, pp. 19–51.
- Inglehart R., Welzel C. (2005) *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*. New York: Cambridge University Press.
- Kolonitskii B. (2017) Unpredictable Past: Politics of Memory and Commemorative Culture in Contemporary Russia // 1917: Revolution (Russia and the Consequences), Deutsches Historisches Museum and the Schweizerisches Nationalmuseum: Sanstein Verlag, pp. 155–167.
- Magun V., Rudnev M., Schmidt P. (2016) Within-and Between-Country Value Diversity in Europe: A Typological Approach // *European Sociological Review*, vol. 32, no 2, pp. 189–202.
- Noelle-Neumann E. (1981) Mass Media and Social Change in Developed Societies // *Mass Media and Social Change* (eds. Katz E., Szecsko T.). Beverly Hills, Ca: Sage Publications, pp. 137–166.
- Schuman H., Scott J. (1989) Generations and Collective Memories // *American Sociological Review*, vol. 54, pp. 359–381.

- Schwartz S.H. (2012) An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values // Online Readings in Psychology and Culture, vol. 2, no 1// <https://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/11/>
- Smyth R. (2012) Political Preferences and Party Development in Post-Communist States // *Demokratizatsia*, vol. 20, no 2, pp. 113–132.
- Tilly C., MacAdam D., Tarrow S. (2004) *Dynamics of Contentious*. Cambridge University Press.
- Torenvlied R. (1996) Political Control of Implementation Agencies: Effects of Political Consensus on Agency Compliance // *Rationality and Society*, vol. 8, no 1, pp. 25–56.
- Treisman D. (2011) Presidential Popularity in a Hybrid Regime: Russia Under Yeltsin and Putin // *American Journal of Political Science*, vol. 55, no 3, pp. 590–609.
- Wagner-Pacifici R. (1996) Memories in the Making: The Shapes of Things that Went // *Qualitative Sociology*, vol. 19, no 3, pp. 301–321.
- Walker S. (2017) Revolution, what Revolution? Russians Show Little Interest in 1917 Centenary // *The Guardian*, November 6, 2017 // <https://www.theguardian.com/world/2017/nov/06/revolution-what-revolution-russians-show-little-interest-in-1917-centenary>
- Welzel C. (2013) *Freedom Rising: Human Empowerment and the Quest for Emancipation*. New York: Cambridge University Press.
- White D. (2015) Political Opposition in Russia: the Challenges of Mobilisation and the Political-Civil Society Nexus // *East European Politics*, vol. 31, no 3, pp. 314–325.
- World Values Survey Wave 2 (1990–1994) (1990) // World Values Survey website // <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV2.jsp>

The Desacralization of Revolution and Anti-revolution Consensus in Modern Russia: the 2017 Anniversary and Its (Non-)Use in Politics

B. KOLONITSKII*, M. MATSKEVICH**

***Boris Kolonitskii** – DSc in History, Professor, European University at St. Petersburg; Senior Research Fellow, Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences. Address: 6/1A Gagarinskaya St., Saint Petersburg, 191187, Russian Federation. E-mail: kolon@eu.spb.ru

****Mariya Matskevich** – PhD in Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences. Address: 25/14, 7th Krasnoarmejskaya St., Saint Petersburg, 190005, Russian Federation. E-mail: m.matskevich@socinst.ru

Citation: Kolonitskii B., Matskevich M. (2018) The Desacralization of Revolution and Anti-revolution Consensus in Modern Russia: the 2017 Anniversary and Its (Non-)Use in Politics. *Mir Rossii*, vol. 27, no 4, pp. 78–101 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-4-78-101

Abstract

Using a case study approach, the authors review the relationship between Russian symbolic politics and public opinion in the context of the 100th anniversary of the Russian revolution. Public opinion polls and other sources demonstrate that this anniversary was

not perceived as an important event by the majority of Russians. The main political actors – the authorities and their opponents – did not exploit the anniversary for their own goals. The authors argue that this lack of interest in exploiting the revolution in political rhetoric could be due to an anti-revolution consensus, i.e. a situation in which most Russians openly oppose a revolution as a possible future scenario for their country, even though they differ widely in how they evaluate the revolution of 1917. Apart from politicians, this also had a great impact on other actors such as writers, film directors, and social movement activists. The authors conclude that the anti-revolutionary consensus constrains the repertoire of protest activities by limiting the use of the Russian revolutionary political tradition.

Key words: Revolution of 1917, centenary, politics of memory, social memory, notion of revolution, anti-revolutionary consensus, public opinion polls, values, Russia, Ukraine

References

- 1917–2017. Pamyat' o revolyutsii [Memory of Revolution] (2017). *Fond «Obshchestvennoe mnenie»*. Available at: <http://fom.ru/Proshloe/13839>, accessed 30 June 2018.
- 2017: sobytie goda v strane i v mire. Glavnye sobytiya ukhodyashchego goda [2017: The Event of the Year in Russia and the World. The Key Events of the Passing Year] (2017). *Fond «Obshchestvennoe mnenie»*. Available at: <http://fom.ru/TSennosti/13905>, accessed 30 June 2018.
- Beissinger M.R. (2013) The Semblance of Democratic Revolution: Coalitions in Ukraine's Orange Revolution. *American Political Science Review*, vol. 107, no 3, pp. 574–592.
- Bikbov A.T. (2012) Metodologiya issledovaniya «vnezapnogo» ulichnogo aktivizma (rossijskie mitingi i ulichnye lagerya, dekabr' 2011 – iyun' 2012) [The Methodology of Studying “Spontaneous” Street Activism (Russian Protests and Street Camps, December 2011–July 2012)]. *Laboratorium*, no 2, pp. 130–163.
- Burdieu P. (2007) *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. Moscow: Institut eksperimental'noj sotsiologii; Saint-Petersburg: Aleteya.
- Bykov D. (2014) Interv'yū [Interview]. *The Echo of Moscow Radio Station*, October 24, 2014. Available at: <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1424030-echo/>, accessed 30 June 2018.
- Carothers Th. (2003) Konets paradigmy tranzita [The End of the Transition Paradigm]. *Politicheskaya nauka*, no 2, pp. 42–65.
- Chetverta richnitsya Maidanu: ekspertne opituvannya (2017) [The Maidan Fourth Anniversary: an Expert Survey]. *Kucheriv Democratic Initiative Foundation*. Available at: <http://dif.org.ua/article/chetverta-richnitsya-maydanu-ekspertne-opituvannya>, accessed 30 June 2018.
- Davidyan I. (2017) Nekto 2017. Stoletie Russkoj revolyutsii v istoriko-dokumental'nykh i khudozhestvennykh vystavkakh [Someone 2017. The Russian Revolution Centenary in Historical, Documentary and Art Exhibitions]. *Revoljutsiya-100: Rekonstruktsiya yubileya* [Revolution-100. The Anniversary Reconstruction] (ed. Bordyugov G.). Moscow: AIRO-XXI, pp. 423–454.
- Dubin B. (2011) *Rossiya nulevykh: politicheskaya kul'tura – istoricheskaya pamyat' – povsednevnyaya zhizn'* [Russia of the 2000s: Political Culture, Historical Memory, Everyday Life]. Moscow: ROSSPEN.
- Eliseeva N. (2013) Revolyutsiya kak reformatorskaya strategiya perestrojki SSSR: 1985–1991 gody [The Revolution as a Reform Strategy of the USSR Perestroika: 1985–1991]. *Gefter.ru*. Available at: <http://gefter.ru/archive/7823>, accessed 30 June 2018.

- Ganiyants M. (2013) «Chipollino» postavyat v teatre «Sodruzhestvo akterov Taganki» [Cipollino to Be Adapted for Stage by the “Commonwealth of Taganka Actors” Theater]. *RIA Novosti*, November 13, 2013. Available at: <https://ria.ru/culture/20131113/976587606.html>, accessed 30 June 2018.
- Gel'man V. (2014) The Troubled Rebirth of Political Opposition in Russia. *PONARS Eurasia Policy Memo Series*, no 341. Available at: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Pepm341_Gelman_September2014.pdf, accessed 30 June 2018.
- Gel'man V., Starodubtsev A. (2016) Opportunities and Constraints of Authoritarian Modernization: Russian Policy Reforms of the 2000s. *Europe-Asia Studies*, vol. 68, no 1, pp. 97–117.
- Gershenson M. (1909) Tvorcheskoe samosoznanie [Creative Consciousness]. *Vekhi. Sbornik statej o russkoj intelligentsii* [Landmarks. Collection of Articles about the Russian Intelligentsia]. Moscow, pp. 74–100. Available at: <http://www.bookposter.ru/info/imwerden/publicism50.html#.WvKctu-FO9I>, accessed 30 June 2018.
- Golosov G. (2012) *Demokratiya v Rossii: instruktsiya po sborke* [Democracy in Russia: A User's Guide]. Saint-Petersburg: BHV-Peterburg.
- Gorshkov M., Petukhov V. (2018) Oktyabr'skaya revolyutsiya 1917 g. i ee posledstviya v vospriyatii sovremennykh rossiyan [The October Revolution of 1917 and Its Aftermath in the Public Perception of Modern Russians (Experience in Sociological Measuring)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 1, pp. 6–18.
- Gudkov L. (2010) Vremya i istoriya v soznanii rossiyan. Ch. III [Time and History in the Russians' Consciousness. Part III]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no 2 (104), pp. 13–61.
- Habermas J. (1987) [1981] *Theory of Communicative Action. Vol. 2: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason*. Boston, Mass.: Beacon Press.
- Hale H. (2011) The Myth of Mass Russian Support for Autocracy: The Public Opinion Foundations of a Hybrid Regime. *Europe-Asia Studies*, vol. 63, no 8, pp. 1357–1375.
- Inglehart R., Baker W.E. (2000) Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*, vol. 65, pp. 19–51.
- Inglehart R., Welzel C. (2005) *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*. New York: Cambridge University Press.
- Istoriya strany: stavim «otlichno», v ime derzhim «neud» [History of Russia: Get 'A', but It's 'F', in Fact] (2017). *The Russian Public Opinion Research Center*, September 14, 2017. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116396>, accessed 30 June 2018.
- Kaariainen K., Furman D. (2007) Religioznost' v Rossii na rubezhe XX–XXI stoletij [Religion in Russia at the Turn of the XX–XXI Centuries]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 1, pp. 103–119.
- Kakie daty rossijskoj istorii my schitaem vazhnejshimi? I kakie – znaem? [Which Dates of the Russian History Do We Know?] (2014). *Fond «Obshchestvennoe mnenie*, December 28, 2014. Available at: <http://fom.ru/Proshloe/11896>, accessed 30 June 2018.
- Kalinin I. (2017) Prizrak yubileya [The Ghost of an Anniversary]. *Neprikosnovennyj zapas*, no 1 (111), pp. 11–20.
- Kashin O. (2017) Nedootsenennaya dukhovnaya skrepa: strakh Rossii pered revolyutsiej [An Underrated Spiritual Brace: Russia's Fear before a Revolution]. *Republic.ru*, May 9, 2017. Available at: <https://republic.ru/posts/82709>, accessed 30 June 2018.
- Khamatova CH. (2012) Ya mnogo chego boyus' [I Am Very Much Afraid]. *The Dozhd' TV-channel*, June 7, 2012. Available at: https://tvrain.ru/teleshov/sobchak_zhivem/chulpan_khamatova_ya_by_vybrala_severnuyu_koreyu_a_ne_revoljutsiyu-286479/?utm_source=twi&utm_medium=social&utm_campaign=teleshov-sobchak_zhivem&utm_term=286479, accessed 30 June 2018.
- Kolonitskii B. (2010) «Tragicheskaja erotika»: *Obrazy imperatorskoj sem'i v gody Pervoj mirovoj vojny* [Tragic Erotica: Images of the Imperial Family during World War I]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Kolonitskii B. (2017) Unpredictable Past: Politics of Memory and Commemorative Culture in Contemporary Russia. *1917: Revolution (Russia and the Consequences)*, Deutsches Historisches Museum and the Schweizerisches Nationalmuseum: Sanstein Verlag, pp. 155–167.

- Kotlyar P. (2017) Interv'yu: Professor Kembridzha Dominik Liven o shansakh Rossijskoj imperii na vyzhivanie i skhozhesti shagov Gorbacheva s reformami Aleksandra II [Cambridge Professor Dominic Lieven on the Chances of the Russian Empire to Survive and the Similarity of Gorbachev's Steps with the Reforms of Alexander II]. *Delovoj Peterburg*, November 3, 2017. Available at: https://www.dp.ru/a/2017/11/03/Professor_Kembridzha_Domin, accessed 30 June 2018.
- Lane D. (2010) Oranzhevaya revolyutsiya: «Narodnaya revolyutsiya» ili Revolyutsionnyj perevorot? [The Orange Revolution: 'People's Revolution' or Revolutionary Coup?]. *Polis*, no 2, pp. 31–53.
- Levada Y. (2000) *Ot mnenij k ponimaniyu* [From Opinions towards Understanding]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovanij.
- Magun V., Rudnev M. (2007) Zhiznennye tsennosti naseleniya: sravnenie Ukrainy s drugimi evropejskimi stranami [Basic Human Values: Comparison of Ukraine with Other European Countries]. *Ukrainskoe obshchestvo v evropejskom prostranstve* [Ukrainian Society in European Space] (eds. Golovakha E., Makeev S.). Kiev: Institut sotsiologii NANU, pp. 226–273.
- Magun V., Rudnev M. (2011) Tsennostny consensus i factory tsennostnoj differentsiatsii naseleniya Rossii i drugikh evropejskikh stran [Consensus and Determinants of Value Differentiation in Russia and Other European Countries]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no 4, pp. 81–96.
- Magun V., Rudnev M., Schmidt P. (2016) Within-and Between-Country Value Diversity in Europe: A Typological Approach. *European Sociological Review*, vol. 32, no 2, pp. 189–202.
- Malinova O. (2015) *Aktual'noe proshloe: simvolicheskaya politika vlastvuyushchej elity i dilemmy rossijskoj identichnosti* [Actual Past: Symbolic Politics of a Ruling Elite and Dilemmas of Russian Identity]. Moscow: ROSSPEN.
- Malinova O. (2017) Neudobnyj jubilej: Itogi pereosmysleniya «mifa osnovaniya» SSSR v ofitsial'nom istoricheskom narrative RF [Uncomfortable Centenary: Preliminary Results of Reconsidering “the Founding Myth” of the USSR in the Russian Official Historical Narrative]. *Politicheskaya nauka*, no 3, pp. 13–40.
- Matskevich M. (2017) Chto okazalos' neozhidannym v oprose fokus-gruppy molodykh lyudej, vykhodyashchikh na mitingi [What Turned Out Unexpected in Focus Groups of Young Participants of Protest Rallies]. *Online812.ru*, April 11, 2017. Available at: <http://www.online812.ru/2017/04/11/011/>, accessed 30 June 2018.
- Miller A. (2018) Revolyutsiya 1917 goda: Istoriya, pamyat', politika [The Russian Revolution of 1917: History, Memory, and Politics]. *Valdaj Paper*, no 81. Available at: <http://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-81/>, accessed 30 June 2018.
- Mukhin A. (2017) Fokus-gruppy mitinguyushchikh [Focus Groups of the Rallies Participants]. *Gorod 812*, no 7 (362), pp. 8–11.
- Nevezhin V., Saprykina E. (2017) Prazdnovanie revolyutsionnykh jubileev u «zakonodatelej mody»: Opyt SShA i Frantsii [Celebration of Revolution Anniversaries by “Trendsetters”: Practices in US and France]. *Revoljutsiya-100: Rekonstruktsiya jubileya* [Revolution-100. The Anniversary Reconstruction] (ed. Bordyugov G.). Moscow: AIRO-XXI, pp. 19–50.
- Noelle-Neumann E. (1981) Mass Media and Social Change in Developed Societies. *Mass Media and Social Change* (eds. Katz E., Szecsko T.). Beverly Hills, Ca: Sage Publications, pp. 137–166.
- Oktyabr'skaya revolyutsiya [The October Revolution] (2017). *Levada Center*, April 5, 2017. Available at: <https://www.levada.ru/2017/04/05/oktyabrskaya-revoljutsiya-2/>, accessed 30 June 2018.
- Oktyabr'skaya revolyutsiya: 1917–2017 [The October Revolution: 1917–2017]. *Russian Public Opinion Research Center*, October 11, 2017. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116446>, accessed 30 June 2018.
- Oktyabr'skaya revolyutsiya: posledstviya dlya strany i rol' v zhizni semej [The October Revolution: Consequences for the Country and a Role in Family Life] (2007). *Fond «Obshchestvennoe mnenie»*, November 1, 2017. Available at: <http://bd.fom.ru/report/map/d074421>, accessed 30 June 2018.
- Oppozitsiya v Rossii ishchet edinogo kandidata v prezidenty ot levykh i pravyykh [Opposition in Russia Looking for a Joint Candidate] (2007). *Newsru.com*, April 19, 2007. Available at: <http://www.newsru.com/russia/19apr2007/kandidat.html>, accessed 30 June 2018.

- Otvety na voprosy chlenov Soveta Federatsii [The Answers to the Questions of Members of the Federation Council] (2012). *Kremlin.ru*, June 27, 2012. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/15781>, accessed 30 June 2018.
- Pastukhov V. (2010) Ukrainskaya revolyutsiya i Russkaya kontrevolyutsiya [The Ukrainian Revolution and the Russian Counter-Revolution]. *Polis*, no 5, pp. 7–16.
- Pastukhov V. (2012) Gosudarstvo diktatury lyumpen-proletariata [State of a Lumpen-Proletariat Dictatorship]. *Novaya gazeta*, August 13, 2012. Available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2012/08/13/50971-gosudarstvo-diktatury-lyumpen-proletariata>, accessed 30 June 2018.
- Poryadok i spravedlivost' – glavnye tsennosti rossiyan (2007) [Order and Justness are Russians' Main Values]. *Russian Public Opinion Research Center*. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2526> accessed 30 June 2018.
- Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federatsii V.V. Putina Federal'nomu sobraniyu ot 1 dekabrya 2016 g. [The Address of President V.V. Putin to the Federal Assembly on December 1, 2016] (2016). *Kremlin.ru*, December 1, 2016. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379>, accessed 30 June 2018.
- Putin V. (1999) Rossiya na rubezhe tysyacheletiy [Russia at the Turn of Millenniums]. *Nezavisimaya gazeta*, December 30, 1999. Available at: http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millenium.html, accessed 30 June 2018.
- Radchenko D., Pisarevskaja D., Ksenofontova I. (2012) Logika virtual'nogo protesta: nedelya posle vyborov [Logic of Virtual Protest: A Week After Elections]. *Anthropological Forum Online*, no 16, pp. 108–126.
- Revolutsiya: istoricheskiye deyateli, predposylki i itogi [Revolution: Historical People, Premises, and Outcomes] (2017). *Fond «Obshchestvennoe mnenie»*, November 6, 2017. Available at: <http://fom.ru/Proshloe/13837>, accessed 30 June 2018.
- Revolutsiya kak pamyatnaya data [The Revolution as a Commemorative Date] (2017). *Fond «Obshchestvennoe mnenie»*, November 21, 2017. Available at: <http://fom.ru/posts/13856>, accessed 30 June 2018.
- Rossiyanе o sud'bah Rossii v XX veke i svoikh nadezhдах na XXI vek [Russians on Russia's Destiny in 20th Century and Their Hopes for the 21st Century] (2000). *Institute for the Comprehensive Social Studies. Joint Economic and Social Data Archive*. Available at <http://sophist.hse.ru/dbp/S=2385/Q=111/>, accessed 30 June 2018.
- Rossiyanе ob «Oranzhevoy revolyutsii» [Russians on the Orange Revolution] (2005). *Levada Center*, November 23, 2005. Available at: <http://www.levada.ru/2005/11/23/rossiyane-ob-oranzhevoj-revoljutsii>, accessed 30 June 2018.
- Safronov V. (2016) Demokraticeskij protest v stranah Evropy: tsennostnye motivatsii i sotsial'nye usloviya [Democratic Protest in the European Countries: Value Motivations and Societal Context]. "Teleskop": zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovanij, no 6 (120), pp. 10–20.
- Safronov V., Burmykina O., Kornienko A., Nechaeva N. (1999) Rossiyskaya kul'tura i otnoshenie grazhdan k obshchestvennym preobrazovaniyam [The Russian Culture and Citizens' Attitudes to the Transformation of Society]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii*, vol. 2, no 2, pp. 133–165.
- Schuman H., Scott J. (1989) Generations and Collective Memories. *American Sociological Review*, vol. 54, pp. 359–381.
- Schwartz S.H. (2012) An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values. *Online Readings in Psychology and Culture*, vol. 2, no 1. Available at: <https://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/11/>, accessed 30 June 2018.
- Smyth R. (2012) Political Preferences and Party Development in Post-Communist States. *Demokratizatsia*, vol. 20, no 2, pp. 113–132.
- Sokolov B. (2017) Yubiley revolyutsii 1917 goda v khudozhestvennoj literature, kino, televizionnykh serialakh, dokumental'nykh fil'makh i v teatral'nykh postanovkakh [The Revolution of 1917 Anniversary in Literature, Cinema, TV-series, Documentaries and Theater Performances]. *Revoljutsiya-100: Rekonstruktsiya yubileya* [Revolution-100. The Anniversary Reconstruction] (ed. Bordyugov G.). Moscow: AIRO-XXI, pp. 359–422.

- Sokolov M. (2017) Rozovskiy M.: «Ya boyus' revolyutsii, no nel'zya zhit' v rabstve» [Rozovskiy M.: "I'm Afraid of a Revolution but We Should Not Live in Slavery"]. *Radio «Svoboda»*, April 10, 2017. Available at: <https://www.svoboda.org/a/28420794.html>, accessed 30 June 2018.
- Stoletie revolyutsii [The Russian Revolution Centenary] (2017). *Fond «Obshchestvennoe mnenie»*, November 5, 2017. Available at: <http://fom.ru/Proshloe/13829>, accessed 30 June 2018.
- Tilly C., MacAdam D., Tarrow S. (2004) *Dynamics of Contentious*. Cambridge University Press.
- Torenlvied R. (1996) Political Control of Implementation Agencies: Effects of Political Consensus on Agency Compliance. *Rationality and Society*, vol. 8, no 1, pp. 25–56.
- Treisman D. (2011) Presidential Popularity in a Hybrid Regime: Russia Under Yeltsin and Putin. *American Journal of Political Science*, vol. 55, no 3, pp. 590–609.
- V Kremle ne zaplanirovano meropriyatij k 100-letiyu revolyutsii, zayavil Peskov [The Kremlin Did not Schedule Any Activities for the 100th Anniversary of the Revolution, Peskov Said] (2017). *RIA «Novosti»*, October 25, 2017. Available at: <https://ria.ru/society/20171025/1507519967.html>, accessed 30 June 2018.
- V Ukraine zrostaє dezorientatsiya gromadyan: sotsiologichne opituvannya [Public Confusion Growing in Ukraine: Sociological Surveys] (2017). *Liga Novosti*, February 13, 2017. Available at: http://news.liga.net/ua/news/society/14690486-v_ukra_n_zrosta_dezor_ntats_ia_gromadyan_sots_olog_chne_opituvannya.htm, accessed 30 June 2018.
- Vazhneyshie sobytiya 2017 goda [The 2017 Most Important Events] (2018). *Levada Center*, February 1, 2018. Available at: <https://www.levada.ru/2018/02/01/vazhnejshie-sobytiya-2017-goda/>, accessed 30 June 2018.
- Volkov D. (2012) Protestnoe dvizhenie v Rossii glazami ego liderov i aktivistov [Protest Movement in Russia through the Eyes of Its Leaders and Activists]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, vol. 113, no 3–4, pp. 141–185.
- Volkov D., Goncharov S. (2017) Rossijskij medialandshaft: osnovnye tendentsii ispol'zovaniya SMI-2017 [Russian Media Landscape: Main Trends in Using Media in 2017]. *Levada Center*, August 22, 2017. Available at: <https://www.levada.ru/2017/08/22/16440/>, accessed 30 June 2018.
- Volkov D., Kolesnikov A. (2017) My zhdem peremen. Est' li v Rossii massovyj spros na izmeneniya? [We Are Waiting for Changes: Is There a Mass Demand for Changes in Russia?]. *Carnegie Moscow Center*, December 5, 2017. Available at: <http://carnegie.ru/2017/12/05/ru-pub-74906>, accessed 30 June 2018.
- Vyacheslav Volodin sformuliroval bazovye tsennosti Rossii [Volodin Defined Basic Russian Values] (2017). *Kommersant-Novosti*, November 1, 2017. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3455783>, accessed 30 June 2018.
- Wagner-Pacifi R. (1996) Memories in the Making: The Shapes of Things that Went. *Qualitative Sociology*, vol. 19, no 3, pp. 301–321.
- Walker S. (2017) Revolution, what Revolution? Russians Show Little Interest in 1917 Centenary. *The Guardian*, November 6, 2017. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2017/nov/06/revolution-what-revolution-russians-show-little-interest-in-1917-centenary>, accessed 30 June 2018.
- Welzer C. (2005) Istoriya, pamyat' i sovremennost' proshlogo. Pamyat' kak arena politicheskoy bor'by [History, Memory, and the Presence of the Past: Memory as a Political Arena]. *Neprikosnovennyj zapas*, no 2–3 (40–41), pp. 28–35.
- Welzer C. (2013) *Freedom Rising: Human Empowerment and the Quest for Emancipation*. New York: Cambridge University Press.
- White D. (2015) Political Opposition in Russia: the Challenges of Mobilisation and the Political-Civil Society Nexus. *East European Politics*, vol. 31, no 3, pp. 314–325.
- World Values Survey Wave 2 (1990–1994) (1990). *World Values Survey*. Available at: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV2.jsp>, accessed 30 June 2018.
- Yavlinskij G. (2011) Kak predotvratit' revolyutsiyu, no otvetit' na trebovaniya naroda? [How to Prevent Revolution, but to Respond to People Demands?]. *Finam FM*, April 19, 2011. Available at: <http://www.yabloko.ru/video/2011/04/19>, accessed 30 June 2018.

- Zadorin I. (2007) Oktyabr'skaya revolyutsiya v massovom soznanii rossiyan. Dinamika mnenij za 15 let [The October Revolution in Russians' Mass Consciousness. Opinion Dynamic over 15 years]. *ZIRCON*. Available at: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/3e8/071128.pdf>, accessed 30 June 2018.
- Zasedanie Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj» [Meeting of the Valdai International Discussion Club “Valdaj”]. *Kremlin.ru*, October 19, 2017. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55882>, accessed 30 June 2018.
- Zasedanie Soveta pri Prezidente po nauke i obrazovaniyu [Meeting of the Presidential Council for Science and Education]. *Kremlin.ru*, January 21, 2016. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51190>, accessed 30 June 2018.